

ВИКТОР НИКОЛАЕВИЧ ПУЧКОВ — К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Задолго до личного знакомства с Виктором Николаевичем фамилия «Пучков» у меня и моих коллег из «Горно-геологического института БФАН СССР» (так в 60-е — 70-е годы назывался наш Институт геологии УНЦ РАН) ассоциировалась с прорывом в геологии, с молодой тогда и далеко не всеми понимаемой и совсем мало кем принимаемой новой глобальной тектоникой. Одними из первых в России прогрессивную парадигму плейт-тектоники восприняли, стали на Урале развивать и пропагандировать сотрудники Института геологии и геохимии УрО РАН С.Н. Иванов, В.Н. Пучков, В.М. Нечеухин, в творческом содружестве с московскими учеными из ГИН — академиком А.В. Пейве и его единомышленниками («черными полковниками», как их с некоторым сарказмом, но любя именовали коллеги) — А.С. Перфильевым, С.В. Руженцевым, С.Г. Самыгиным и другими тектонистами. Идеи неомобилизма и плейттектоники воплотились в создании Тектонической карты Урала, составленной на совершенно новой плейттектонической основе. Уже «на заре российского неомобилизма» в ведущих отечественных геологических журналах появляются «революционные» статьи В.Н. Пучкова — «Происхождение рифтовых морей» (Изв. АН СССР. Сер. геол., 1964 г.), «О проблеме перемещения континентов» (Геотектоника, 1965 г.). Обостренное чувство нового определило у Виктора Николаевича увлеченность мало известным тогда видом фаунистических остатков — конодонтами. Он одним из первых обосновал возраст ряда вулканогенных толщ Урала по фауне конодентов, ставшей сегодня ведущей в определении возраста ранее «немых» стратиграфических подразделений палеозоя. То же можно сказать и в отношении других прогрессивных методик, применяемых в геологии. Он, например, овладел компьютерными технологиями еще тогда, когда компьютеры не стали повседневным и обязательным инструментом исследований, постоянно проявлял живой интерес к различным радиологическим методам определения абсолютного возраста горных пород.

Прошли десятилетия, Виктор Николаевич Пучков — член-корреспондент РАН, директор Института геологии УНЦ РАН в Уфе, один из лидеров мирового сообщества тектонистов; новая глобальная тектоника — давно уже признанная (хотя и не всеми) идеология большинства российских тектонистов, металлогенистов и геологов других направлений. Но, как известно, «все течет, все изменяется» и наряду с плейттектоникой появ-

ляется новое и в чем-то альтернативное ей направление — плюмтектоника. И что же наш Виктор Николаевич? Верный своему «чувству нового», он собирает мало доступный большинству отечественных исследователей обширный материал зарубежных публикаций и делает серию блестящих докладов в Москве, в ГИН, в Уфе и Екатеринбурге на тему тектоники плюмов и соотношений плюм- и плейттектонических построений, сообщений, значительно проясняющих эту новую и далеко не ясную проблему.

Виктор Николаевич Пучков родился 17 августа 1938 г. в Туле и в 1955 г. поступил в МГУ на геологический факультет, кафедру исторической геологии, руководимую тогда корифеем отечественной геологии Алексеем Алексеевичем Богдановым. Вообще, как это часто бывает с людьми, достигшими успехов в своей специальности, Виктору Николаевичу повезло с учителями. Руководителем его дипломной работы был Евгений Евгеньевич Милановский, тогда доцент, а ныне — академик, а начальником отряда на преддипломной практике — известный ныне профессор Н.В. Короновский, а тогда аспирант, знакомивший студентов с геологией Кавказа, районами вулкана Казбек и Кельского вулканического плато. Студентом В.Н. Пучков был старательным, способным и увлеченным проблемами вулканизма и тектоники. Недаром впоследствии профессор Е.Е. Милановский, заведующий кафедрой исторической геологии, прочил В.Н. Пучкова в свои восприемники. Это не осуществилось, но отнюдь не по вине нашего юбиляра: проблемы квартиры и прописки в столице были трудно преодолимы ...

После окончания Московского университета, в 1960 г. В.Н. Пучков поехал на работу в Сыктывкар, где в Геологическом институте Коми Филиала АН СССР началась его карьера исследователя: тектониста, стратиграфа и геолога широкого профиля.

Сыктывкарский период (1960–1974 гг.) в жизни В.Н. Пучкова — молодого специалиста-геолога был полон работой, творчеством, неподдельной геологической романтикой и ... поэзией. Но об этом хорошо написал сам герой данного очерка в воспоминаниях, частично опубликованных в сыктывкарском «Вестнике № 5» за 1998 г. Отрывки из этих воспоминаний и стихи молодого Виктора Пучкова приведены ниже (они выделены курсивом). Мне кажется, знакомясь со стихами и воспоминаниями юбиляра, что ранний период его пребывания на севере Урала сыграл особую, во многом определяю-

шую роль в его творческой судьбе, закалив, развив и укрепив заложенные в нем способности и черты — целеустремленность, упорство, увлеченность и преданность геологии. Этому способствовало продолжающееся «везение» на классных специалистах: в Сыктывкаре было у кого поучиться. Правда, мечтал он вначале о работе вулканолога, да судьба распорядилась иначе. Но — слово Виктору Николаевичу.

Вот я и поехал. Вышел на станции Княжпогост. Дальше поезд не шел: рельсы к Сыктывкару еще не проложили. Договорился за десятку с шофером фургона «Книги», и в полной тьме, сидя на полу, добрался таки до места. Выхожу из тряскового заточения на яркий свет божий и вижу: большая зеленая лужайка, на которой пасется коза, пресловутый деревянный тротуар, несколько двухэтажных барачков постройки военного времени и такси. Больше ничего сразу заметить не удалось. Смело сажусь в такси (подъемные еще не все растратил) и говорю: «Гостиница Север». Таксист как-то странно на меня посмотрел, однако ничего не сказал, повез. Остановился через два с половиной квартала и говорит: «Приехали». Так я понял, что мы находимся не где-нибудь, а в центре города.

А Коми филиал занимал тогда одно двухэтажное здание и находился на самой окраине: дальше было поле и молодой хвойный лес, по которому в дальнейшем было столько хожено на лыжах ...

... Первый, кого я увидел в вестибюле, был Александр Иванович Елисеев — человек, на которого я в дальнейшем смотрел снизу вверх не только из-за его немалого роста, но главным образом потому, что он был уже опытным ученым — поговаривали, что у него уже готова кандидатская диссертация по стратиграфии карбона гряды Чернышова, да только вот шеф, Александр Александрович Чернов, советует не торопиться с защитой.

Определили меня в лабораторию, которой руководил Михаил Алексеевич Плотников, известный специалист по геологии пермских отложений Восточно-Европейской платформы. Вскоре вызвал меня Юрий Павлович Ивенсен, директор нашего Института, лишь недавно преобразованного из отдела, и начал интересоваться моими научными наклонностями. А надо сказать, что помимо новейшего вулканизма, на последних курсах университета я всерьез стал интересоваться теорией дрейфа континентов, — а вследствие этого — и тектоникой вообще ... Я и заявил Ивенсену: хочу заниматься тектоникой (про дрейф континентов, конечно, ничего не сказал).

ЮП улыбнулся (а он часто улыбался, и это не было признаком хорошего настроения, просто манера такая). И говорит: «Хорошо. Будете изучать тектонику Тимана». Вообще-то я хотел работать на Урале, но понял, что надо соглашаться ...

В первое поле (1961 г., И.С.) я поехал вместе с Б.А. Мальковым (ныне доктором наук, профессором, хорошо известным своими работами по проблемам коренных месторождений алмазов) на Канин полуостров и Северный Тиман.

Добирались до Канина полуострова из Сыктывкара до Архангельска речным теплоходом, а от Архангельска — на небольшом морском корабле «Мудьюг». Его давно уже, небось, разрезали на металлолом, а тогда он, несмотря на изматывающую качку, бодро добежал до поселка Шойна меньше чем за сутки. Оттуда на большой моторной лодке («доре») поднялись вверх по реке к Канину Камню, на котором нам и предстояло работать.

*Помнишь берег и брызги соленые,
Не вернуть их и не повторить.
Были мы молодые-зеленые,
И явились, чтоб мир покорить.*

*С нас еще не слетела окалина
От избытка здоровья и сил.
В экспедицию, рейсом до Канина
Ветер странствий отряд уносил.*

*Поджидали нас топи болотные
И маршрутов пунктирная нить,
Комарье да ночевки холодные —
Ну да что там о них говорить!*

*Били волны по молу как молотом
И стегала по лицам вода.
Были мы так бессовестно молоды,
Ах как молоды были тогда!*

За три с половиной месяца мы прошли маршрутами расстояние близкое к 2000 км. На Канине нам удавалось (по договору с совхозом) использовать оленей упряжки, которые тащили наше снаряжение и образцы. Норма была такая: пять оленей волокли пятьдесят килограмм груза на нартах по голой земле (а предпочтительно по болоту); случалось, что и падали, обессилев от гнуса и жары, и оленеводы их тут же кончали.

Работали самозабвенно: дневной маршрут в четырнадцать часов продолжительностью скорее был нормой, чем редкостью. Иногда при возвращении в лагерь попадали в туман, приходивший с моря: он накрывал все в считанные минуты, и найти лагерь тогда было непросто.

*Темнело небо. Синий демон
Над тундрой крыльями плеснул ...
Устало скажешь: Где мы? Где мы..
А день унул. А день унул.*

*Туманы быстры и безбрежны
Ползут вослед, вослед, вослед,
Глаза смежают — тихи, нежны,
Все как во сне. Все как во сне.*

*Ручей бормочет полувнятно.
Бурчит в бреду. Бредут, бредут...
В далеком лагере ребята
Напрасно ждут. Напрасно ждут.*

*В озерной шири птичьи плачи.
Седой туман — как снег, как снег.
Одни разлеты куропацхи
Звучат как смех. Как смех.
Как смех.*

На Северном Тимане мы уже сами были за оленей. Туда мы забросились на катере из пос. Индига, рассчитывая, что удастся встретиться с оленеводами. Оленеводы не появились в нужное время в оговоренном месте. Нам же пришлось работать методом выкидных маршрутов («все на себе»). Отработали береговые обнажения Чешской губы и разрезы по ближайшим речкам и стали ждать катер. Стало холодать, поутру вода в кружках превращалась в лед. Подкрадывалась осень.

*По тундре — ни души, ни дыма.
Вот-вот — и Ночь войдет в права.
По склонам сопок нелюдимо
Буреет жухлая трава.*

*И днями солнце — мягче, кротче:
Не греет плеч, не слепит взор
А ночью гуси, снег пророча,
Летят во сне на блеск озер.*

В конце сезона, когда шли пешком в Индигу, в сентябре вымок по шею, попав в узенькую и незаметную протоку. Ну, ничего, выжали ватник. Я его сырым надел и пошел дальше. Не было даже насморка ...

... Мы ... были первыми, кто видел одними глазами всю длинную полосу выходов древних толщ Канина и Северного Тимана. Поэтому и выводы наши отличались от представлений предшественников, и нам поначалу не очень-то верили. Мы предположили, что в целом структура докембрийского фундамента в пределах этих выходов представляет собой осложненную моноклираль, разрез рифейских толщ наращивается к северо-востоку и имеет огромную мощность, до 10 км. Это противоречило популярному тогда представлению, что эти толщи являются возрастными аналогами всего одной свиты Среднего Тимана, кислоручейской. Из этого следовал вывод, что мы имеем дело с фациальными аналогами большей части

рифейского разреза Среднего Тимана. Насколько мне известно, В.Г. Оловянишников (он же Гецен), позднее много работавший над этими вопросами, пришел к близким выводам.

Таков был первый полевой сезон, о чем так точно и поэтично поведал 22-летний тогда младший научный сотрудник.

Следующим летом 1962 г. в составе отряда В.И. Чальшева Виктор Пучков работал в верховьях Печоры, изучая пермские отложения. Он, по его воспоминаниям, «многому научился в течение этих трех с половиной месяцев ... А уж что касается впечатлений от природы, то тут и говорить нечего». Здесь же родилось поэтическое провидение про буровую в районе Вуктыла:

*Там, где поляна боровая,
Где спал кипрей лиловым сном,
Назавтра встанет буровая
И все поставит кверху дном.*

*И посреди рассветной рани
Впрягутся трактора, ярьась,
В дорог расплавленные длани
И в раскорчеванную грязь.*

*И вышка на поляне рваной
Расставит сталь станинных ног,
И по логам, молвою рьяной,
Задышит-загудит станок.*

*И зверь пойдет тропой иною,
И первый раз, за сонмы лет
Перед упругостью стальной
Стеной отпрянет старый лес.*

*Покажутся за сини горы
Тайги озерные глаза...
Здесь будет нефть. Здесь будет город.
И не найти пути назад.*

Но молодой Виктор Пучков был далеко не только увлеченным геологом-романтиком, но и упорным человеком, стремящимся заниматься тектоникой и работать на Урале, только там можно было реализовать свои далеко идущие планы и амбиции, «увязать свои глобальные построения с региональными исследованиями». И вот, в сезон 1963 г. В.Н. Пучков «получил отряд и впервые самостоятельно выехал в поле на Урал». Этот сезон, по его воспоминаниям, «был самым насыщенным по части приключений и проходил на грани фола», но был и очень продуктивным в научном плане. Но снова слово В.Н. Пучкову.

Я начал готовиться к первому самостоятельному полевому сезону. Подобрал карты, прочел немногочисленные в то время отчеты и публикации, много

сидел над дешифровкой аэрофотоснимков, походя чуть не совершив грубую ошибку: прекрасные плоские поверхности выравнивания — нагорные террасы — поначалу принял за признаки горизонтального залегания пород. Ну с этим-то я быстро разобрался. В МГУ Н.П. Костенко нам об этом говорила, просто надо было вспомнить. А вот о куполообразном характере огромной структуры, которую я отдешифрировал к востоку от водораздельной части Приполярного Урала (теперь Хобеизский купол), я нигде не смог прочесть: в тот момент практически всеми принималась схема стратиграфии древних толщ, предложенная К.П. Львовым, в которой самой древней была шатмагинская свита со стратотипом на горе Шатмага, в приводораздельной части хребта. И соответственно, считалось, что здесь проходит ось антиклинория. Так что результаты дешифрирования меня сильно озадачили.

Я гадаю над картами
На страну непохожими,
Где пути не указаны,
Где края неисхожены.

Где окажется чертовым,
Невезения крайностью,
И болото — что в черточку,
И камень — что в крапинку.

Там за знаками малыми
Встанут горы нескладные
С их отвесными скалами,
С их безвестными кладами.

Там точнее и пристальней
Каждый шаг выверяется,
Там на прочность, как исстари,
Человек проверяется.

Что-то выпадет вынести
На излучинах выгнутых?
Где-то ливни нас вымочат?
Где-то солнышко высушит?

И как вывьется линия,
что Судьбой называется,
Что, как ленточка синяя,
Вдаль, в туманы, скрывается?

Это стихотворение показывает, что его автор хорошо понимал разницу между кабинетными планами и реальностью. А реальность оказалась непредсказуемой, иногда очень опасной. Были все элементы геологической «романтики»: заброска отряда вертолетом на р. Вангыр, полевой лагерь

на берегу бурного переката, тяжелейшие выкидные маршруты, переходы по болотам с длинными слегами, встречи с медведями, сплав по рекам через коварные перекаты на резиновых лодках и плотках, интереснейшие обнажения и работа, работа. Работа, подчас сопровождаемая почти мистическими явлениями. Слово Виктору Пучкову.

Напротив лагеря ревел перекат. Присматриваясь к нему (точнее, косясь на него), я начал маршрутить. Вовсю шло таяние снегов, речки и ручьи были бурные, длинных сапог местами едва хватало, чтобы их переходить, не промокнув. В один из маршрутов, в сторону г. Манараги, со мной в качестве коллектора была Аля. Ближе к концу дня я решил осмотреть обнажение (последнее в тот день) на противоположном берегу бурного ручья. Я велел Але оставаться на месте, сам с трудом перебрался на другой берег и стал работать. Закончил работу, возвращаясь обратно — и — о ужас — нет моей помощницы на месте, где я ее оставил! Место заметное, ошибки быть не должно! Кричу — ответа нет. Заметался. Пошел выше, ниже по берегу — ни следа. Не знаю, сколько времени прошло; показалось — вечность. Вдруг на снежнике заметил следы, обращенные в сторону лагеря. Бегу, ору, и вот вдалеке вижу одинокую фигуру, идет нога за ногу, низко опустив голову. Аля? Куда ты? Что с тобой? Посмотрела на меня мутными глазами, как сомнамбула, и понемногу начала приходить в себя. Рассказывает, что оставшись одна, она вдруг начала слышать голоса, стоны и далекие крики: «Аля, помоги!». Сунулась в воду — глубоко, перейти не может. Туда, сюда — увидела, что снежник образует мост. Перешла на другую сторону, дошла до обнажения — там никого нет. А крики опять слышны, но уже с противоположного берега. Дошла до снежного моста — показалось, что он хлипковат. Еле насмелилась перейти обратно. Опять никого. Вот и бредет в сторону лагеря в полном шоке. Что это было???

— Что, что! — отвечаю, соображая на ходу, в чем дело. ...Белый шум, вот что!

Белый шум — как белый цвет: смешение звуков разной частоты. Горные потоки производят именно такой шум, и человеческое сознание способно извлечь из него самые разные звуко сочетания, — от сладкого-голосого пения до призывов о помощи. В общем, звуковой мусор. Сор.

В белом шуме ручья
По-весеннему звонком
Словно Синюю Птицу, твой голос ловлю
И рассвет провожаю,
И ветру вдогонку
Ошалело кричу,
Что тебя я люблю.

ной месяцев, остальное время В.Н. Пучков далеко не сидел сложа руки. Это время было плотно заполнено теоретической работой, изучением языков и подготовкой кандидатской диссертации. И опять — слово Виктору Николаевичу.

Зимой 1961 года я частично был занят обработкой материалов и написанием статьи в сборник Трудов Института по результатам сезона, однако оставалось достаточно времени, чтобы читать литературу по тектонике. И дочитался до того, что к весне написал рукопись листа на три, где давал развернутую аргументацию в пользу дрейфа континентов, с большим количеством ссылок на современные источники, преимущественно зарубежные. Самонадеянности мне, как теперь я понимаю, было не занимать. Но что делать дальше, я толком не знал. Чутье мне подсказывало (и справедливо), что в любой редакции я получу жесточайший отлуп. И я принял решение, которое, наверное, было единственно правильным. Я поехал в командировку в Москву и зашел к П.Н. Кропоткину, доктору наук, завлабу ГИН (позднее академику), зная по публикациям, что он — мой практически единственный потенциальный наставник и союзник в этом вопросе. Петр Николаевич отнесся ко мне милостиво, хотя и без снисхождения. Он просмотрел статью при мне, сказал, что она в таком виде не пойдет, но посоветовал расширить ту ее часть, которая касалась вопроса происхождения рифтовых (трецинообразных) структур растяжения типа Красного моря и Баффинова залива. Окрыленный, я вернулся домой и, засучив рукава, принялся рыть литературу с еще большим рвением. В результате появилась статья «Происхождение рифтовых морей», которая была опубликована в 1964 г. в журнале Известия Академии Наук, где Петр Николаевич был членом редколлегии. Статья еще находилась в редакции, когда я получил от моего нового руководителя предложение написать развернутый ответ на статьи очень авторитетного тектониста Ю.М. Шейнманна, в которых он, казалось бы, в пух и прах разбивает представления о дрейфе континентов. А у меня и самого чесались руки дать ответ, так что предложение пало на хорошо ухоженную почву. Статья «О дрейфе континентов» была написана мною быстро (материал копился несколько лет) и появилась в 6-м номере только что организованного журнала «Геотектоника» за 1965 год.

Вот как появились в печати те «революционные» статьи, о которых шла речь в начале этих заметок. А вот как началось целенаправленное изучение иностранных языков, знание которых сыграло такую важную роль в дальнейшей работе и карьере Виктора Николаевича.

... я тогда первое что сделал — выписал увесистую книгу Дю Тойта: «Our Wandering Continents».

Прочел с грехом пополам. И понял, что без знания иностранных языков никак нельзя. Довольно быстро удалось записаться на курсы по подготовке кандидатских экзаменов по английскому и немецкому. С особой теплотой вспоминаю моих первых преподавателей иностранных языков в Сыктывкаре: Татьяну Васильевну Селезневу и Альму Яковлевну Штрем, которые дали мне некие систематические познания. А дальше, уже по инерции, стал учить еще французский и испанский.

За 6 лет работы на севере Урала у В.Н. Пучкова накопился большой материал, достаточный, как он понял позднее, для кандидатской диссертации, но тогда полученные новые данные и идеи об «азимутальном несогласии доуралид и уралид, связях метаморфизма с куполовидными структурами, о преимущественно древнем возрасте гранитоидов, о неэвгеосинклинальном характере древних толщ Приполярного Урала, о грабенных формациях и др.» должны были дозреть, оформиться. «... предложенная мною тема по тектонике Осевой зоны встретила, по подспудным околонуучным причинам, сопротивление в Институте. Чтобы не уходить с Урала, пришлось заняться тектоникой складчатых структур западного склона Приполярного и Северного Урала. Это и стало официальной темой моей будущей диссертации, которую я готовил, приобретя статус аспиранта-заочника».

Возможно, это было и к лучшему, т.к. заставило начать изучение батинальных отложений западного склона Урала, оформившееся позднее в масштабное, капитальное исследование. Так или иначе, в 1970 году под руководством Андрея Степановича Перфильева В.Н. Пучков защитил кандидатскую диссертацию, по материалам которой была издана его первая монография «Структурные связи Приполярного Урала и Русской платформы» (1975). О своем научном руководителе диссертант отзывался очень тепло.

Планировалось (я очень хотел и добивался этого), чтобы руководителем моей диссертационной работы был известный исследователь, работавший в Геологическом Институте в Москве, Николай Павлович Херасков. Но в связи с его внезапной смертью, повергнутой в шок всех знавших его людей, руководство взял на себя Андрей Степанович Перфильев, его ученик (сам только-только защитивший кандидатскую), исследователь в то время, конечно, менее известный, но безусловно талантливый, фонтанирующий идеями и компанийский. К великому сожалению, он уже тоже ушел из жизни. У Андрея Степановича было важное качество: он не обижался, если с его идеями не соглашались, и не навязывал их силой авторитета. С ним можно было спорить, с ним приятно было делиться новенькими, только что полученными фактами — что я и делал с большим удовольствием в течение

многих лет и до, и после защиты своих диссертаций, — и кандидатской, и докторской.

В период работ 1970-х годов в Лемвинской зоне В.Н. Пучковым были осуществлены первые находки конодонтов (1970 г.) и начато изучение батиальных комплексов этой зоны; серия публикаций по материалам этого периода появилась в местных изданиях («Основные черты стратиграфии и тектоники палеозоя лемвинского типа в бассейне Верхней Печоры», в Ежегоднике—1972, Сыктывкар, 1973; «Рифтогенные окраины континентов и их реликты в палеозоидах Лавразии», в Научных докладах, вып. 9, Сыктывкар, 1974 и др.) и в центральной печати («О палеотектонической природе Лемвинской зоны Приполярного Урала», в Геотектонике, № 6, 1973). Завершая рассказ о первом, но таком важном периоде трудовой деятельности, можно сказать, что Северный, Приполярный, Полярный Урал и Тиман стали для Виктора Николаевича тем научным, геологическим плацдармом, на котором он сложился как зрелый специалист и с которого целенаправленно и последовательно осуществил перемещение с севера на юг вдоль Урала по маршруту Сыктывкар — Екатеринбург — Уфа.

Следующий, 17-летний (1974—1991 гг.) период жизни и деятельности В.Н. Пучкова связан с Екатеринбургом, с работой в Институте геологии и геохимии им. А.Н. Заварицкого. В 1974 г., уже «остепененным» и известным специалистом, В.Н. Пучков приехал в этот академический институт на должность старшего научного сотрудника, уже через год был назначен исполняющим обязанности заведующего Лабораторией геотектоники, а в 1976 г. в возрасте 36 лет стал ее полноправным заведующим. Это был период проведения широких исследований по всему Уралу (и не только Уралу), итогом которых было составление Тектонической карты Урала в масштабе 1: 1 000 000 и объяснительной записки к ней (1977). Авторами (А.В. Пейве, С.Н. Иванов, В.М. Нечеухин, А.С. Перфильев, В.Н. Пучков) при составлении карты в основу был положен анализ эволюции земной коры Урала, выделены рифтовые, океанические, переходные (островодужные), предконтинентальные и континентальные комплексы. Появление этой коллективной работы, в которой В.Н. Пучков принимал активное участие (по его словам, половину карты нарисовал собственноручно), сыграло важную роль в обосновании новых представлений о строении и развитии Урала, утверждении идей актуализма, неомобилизма и плейттектоники.

Развитие и углубление плейттектонических построений к середине 80-х годов привело к публикации двух коллективных монографий. В одной из них «Формирование земной коры Урала» (авто-

ры С.Н. Иванов, В.Н. Пучков, К.С. Иванов и др., 1986) дан развернутый анализ главных этапов геологической истории Урала, уточнена формационная природа осадочных, магматических и метаморфических комплексов доуралид, приведены новые данные о геологическом возрасте палеозойских формаций. В последнем вопросе — большая заслуга В.Н. Пучкова, который из преимущественно тектониста с большими пристрастиями к теоретическим обобщениям трансформировался в тектониста-стратиграфа. Его увлечение конодонтами было весьма продуктивным: новые датировки получили осадочно-вулканогенные толщи в различных зонах Урала — Сакмарской, Уфимского амфитеатра, Денисовской и других. Серия статей в соавторстве с К.С. Ивановым по вопросам конодонтовой стратиграфии была опубликована в 1979—1985 гг. в уральских и центральных изданиях. Важную методическую роль сыграла его статья в сборнике «Конодонты Урала и их стратиграфическое значение» (1979).

В другой коллективной книге «Глубинное строение, тектоника, металлогения Урала» (авторы В.М. Нечеухин, Н.Г. Берлянд, В.Н. Пучков, В.Б. Соколов, 1986), обобщившей геолого-геофизические материалы по глубинному строению Урала, показаны особенности строения земной коры различных зон складчато-надвигового пояса. В монографии также впервые развернуто рассмотрена эволюция металлогении и металлогеническая зональность Урала с плейттектонических позиций и в зависимости от глубинного строения его отдельных областей.

В Екатеринбурге В.Н. Пучков продолжил изучение геологии западного склона Урала, Лемвинской зоны и смежных с ней территорий, и уже в 1978 г. защитил докторскую диссертацию, по которой через год вышла в свет его вторая самостоятельная (в смысле — без соавторов) монография «Батиальные комплексы пассивных окраин геосинклинальных областей», М.: Наука, 1979. Это было крупное теоретическое обобщение, сочетающее в себе детальнейшую характеристику Лемвинской зоны и описание аналогов батиальных комплексов пассивных окраин других областей: Южного Тянь-Шаня, южной окраины Центрально-Азиатской складчатой системы, Аппалачей, североамериканских Кордильер и др.

После защиты докторской диссертации география исследований В.Н. Пучкова еще более расширилась. С 1978 г. в содружестве с местными геологами он изучает стратиграфию по конодонтам в районах Средней Азии. Значительно расширяется и круг его научных интересов и, соответственно, соавторов, о чем свидетельствуют многочисленные публикации по проблемам метаморфизма, грани-

тоидного магматизма, палеомагнетизма, металлогении. С 1989 г. Виктор Николаевич участвует в крупном международном проекте «Нефтегазоносные бассейны», осуществляемом под эгидой научно-исследовательского института США, штат Южная Каролина (ЭЗРИ). Научно-исследовательскую работу он сочетает с преподавательской деятельностью: читает курс «Геология СССР» в Свердловском горном институте, руководит аспирантами. Курс лекций по геологии Союза лег в основу учебника «Геология СССР», написанного коллективом авторов — О.В. Богоявленской, В.Н. Пучковым, М.В. Федоровым и вышедшего в 1991 г. в Москве, изд-ве «Недра». Студенты полюбили это учебное пособие за четкость и краткость изложения...

В 1991 г. начался третий, уфимский, период жизни и деятельности Виктора Николаевича. Он был приглашен на должность директора Института геологии Уфимского научного центра РАН, в каковой благополучно пребывает уже четвертый срок, пройдя три переизбрания. В Уфе В.Н. Пучков продолжает развивать свои традиционные научные направления — тектонику и стратиграфию Урала, но здесь еще больше возрастает диапазон его интересов, чему вероятно способствует и приобретенный опыт, и положение директора научного учреждения с немалыми традициями и разветвленной тематикой. Все больше он тяготеет к крупным обобщениям, тяга к которым, впрочем, была немалой еще в сыктывкарский период. Основным направлением исследований становится палеогеодинамика — квинт-эссенция стратиграфии, тектоники, фациального и формационного анализа, а также отчасти — петрологии, изотопной геологии и т.д. и т.п. Хорошее знание геологического строения различных сегментов Урала, а также различных его подразделений от глубокого докембрия до мезозоя, позволило В.Н. Пучкову создать солидное обобщение — монографию «Палеогеодинамика Южного и Среднего Урала» (Уфа, 2000). В книге сконцентрирован богатый материал предшественников, автора и его коллег по широкому кругу вопросов — прежде всего, тектонике и стратиграфии, но и по интрузивному магматизму, и вулканизму; «пригодились» и наработки по глубинному строению Урала, и новые выводы исследований в рамках комиссии ЕВРОПРОБА — результаты работ по профилю «Уралсейс», и анализ изотопных характеристик и датировок горных пород. В результате была продемонстрирована комплексная панорама формирования Уральского орогена от возникновения Уральского океана до коллизионного и постколлизионного этапов его развития. Показано и положение Урала в глобальной структуре, по отношению к суперконтинентам Пантерре и Пангее.

В уфимский период работы укрепляются и расширяются контакты В.Н. Пучкова с зарубежными геологическими организациями и крупными учеными Великобритании, Швеции, Франции, Германии, Испании и других стран. Вот когда особенно пригодилось хорошее знание английского и знакомство с другими европейскими языками — немецким, испанским, французским. Благодаря широкой эрудиции и детальному знанию геологии Урала В.Н. Пучков становится «своим» в международном сообществе ученых. Урал — классический линейный складчато-надвиговый пояс, сформировавшийся в результате нескольких полных циклов Вильсона — привлекал к себе исследователей со всего мира. Здесь были осуществлены такие крупные международные проекты, как «ЕВРОПРОБА» (1991–2000 гг.) и MinUrals (2001–2003 гг.), в которых В.Н. Пучков был одним из руководителей и неизменным гидом международных геологических экспедиций и экскурсий по разрезам Урала, во время которых он лихо пробирался по горным дорогам за рулем «Нивы» во главе эскорта машин. Случались, правда, и поломки «Нивы» — результаты лихости на ухабах, но об этом что же говорить — «экспедиция ...».

В Казахстане едем «прямо»:
То на запад, то на юг.
Слева кочка, справа яма,
Скоро нам придет каюк!

Основательно набили
мы на заднице мозоль,
Мощно тем повысив геодинамическую роль!

Это вирши не В.Н. Пучкова, это из «отчета» автора этих заметок о результатах международной геодинамической экспедиции на Южный Урал и в Казахстан в 2002 г. Но, надо сказать, эта и многие другие экспедиции, руководимые В.Н. Пучковым, были весьма полезны не только зарубежным коллегам, но и нам, давно работающим на Урале, давая возможность сравнить, сопоставить свои «базовые» районы с соседними областями. Ведь сравнение в геологии — бесценно.

Широта интересов и прочные международные связи дали возможность В.Н. Пучкову опубликовать на английском языке очерк «Палеозой азиатской части России» — 100 страниц в капитальной монографии «Палеозой мира». Вообще, о широте интересов юбиляра можно было бы написать отдельную статью. В последний период работы, в связи с общими проблемами геодинамики, он живо интересуется новейшими, мезозойским и кайно-

зойским, периодами развития Урала и сопредельных территорий, делая важные выводы о том, «*что современный Урал был сформирован как результат, главным образом, позднеплиоцен-четвертичных поднятий*». Другим поздним увлечением В.Н. Пучкова стала минерагения, в частности, минерагения платформенной (средняя юра — палеоген) и неоорогенной (неоген — квартал) стадий развития Урала, обобщающих работ по которым давно не было. Новые факты и мысли о минерагении Урала В.Н. Пучков обобщил в статье «Очерк минерагении Урала», опубликованной в сборнике «Проблемы геологии и минералогии», Сыктывкар, 2006 г.

Международная активность Виктора Николаевича поражает и вызывает «белую зависть» (а кое у кого и не белую). Доклады на конференциях в Лондоне, Орлеане, в Швейцарии, Пекине, на Тайване, на международных конгрессах в Рио-де-Жанейро и Флоренции — это только то, что сразу приходит в голову, а многого я не знаю ... Многочисленные статьи и доклады на престижных совещаниях, серия капитальных монографий — все это было оценено по достоинству и в 2000 году В.Н. Пучков был избран членом-корреспондентом РАН, что отметило не только его успехи в науке, но и повысило статус руководимого им Института.

К своему 70-летию Виктор Николаевич подошел полным энергией. Кроме научной работы и руководства Институтом он читает 3 курса лекций на кафедре геологии и геоморфологии Башкирского Госуниверситета: «Геология Урала», «Геотектоника» и «Региональная геотектоника», готовится сделать доклад в августе 2008 г. на 33-м Международном геологическом конгрессе в Осло, где он является руководителем одной из секций, по-прежнему готовится к экспедициям на Урале и дальних странах. Но что мне больше всего импонирует в В.Н. Пучкове, это то, что, несмотря на высокое положение в научном сообществе и очевидные заслуги, он совершенно лишен официоза, готов к обсуждению спорных вопросов (хотя переубедить его в том, что он считает правильным, Вам вряд ли удастся), с удовольствием у полевого костра возьмет гитару и споет свою песню. И хотя стихи Виктора Николаевича последнего периода из лирических стали скорее остро-юмористическими, афористичными и эпиграммными (его известные «садизмы» — от слова *сад*), мне кажется, что геолог-романтик «сыктывкарского» периода в нем еще си-

дит, хотя и основательно запрятан. Поэтому я хочу закончить эти заметки стихами «раннего» Пучкова:

*Четыре дня, гоня тревогу,
Кляня болота на пути,
Свою чуть видную дорогу
Теряли мы, чтоб вновь найти.*

*То подбирались ближе к морю,
То уходили вглубь земли
И вдаль, с надеждою немою
Мы вглядывались как могли.*

*Друг друга крыли мы отменно,
Своих не помня неудач,
Но на плечах своих бессменно
Несли задачу из задач.*

*И шли, хотя порой извилист
И вкривь, и вкось, и как-нибудь —
Подобьем мозговых извилин
Среди болот лежал наш путь.*

*Дошли-таки. Путь — за плечами.
И вдруг — неожиданное: Полет!
Назад, за нашими вещами,
Нас брал залетный вертолет.*

*И чудом щучьего веленья,
В осеннем золоте витом,
Линялой шкурою оленя
Лежала тундра под винтом.*

*И то ли явью, то ли сказкой
Шел дождь — серебряная мгла,
Прозрачной, трепетной указкой
На землю радуга легла.*

*И на заоблачном пороге
Мы видели стада, чумы
И... все извилины дороги:
Той самой, что искали мы.*

В.Н. Пучков давно нашел свою дорогу, поступив в МГУ, и прошагал по ней на удивление целенаправленно, поднимаясь с вершины на вершину, все выше и выше. И, судя по энергии и работоспособности последних лет, дорога эта простирается далеко вперед и вершины — еще впереди.

И.Б. Серавкин